

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.03

Т. А. Агапкина

Carpatho-Ukrainian *skusa* – from word to character

Tatyana A. Agapkina
 Doctor of Letters, chief research fellow
 119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
 E-mail: agapi-t@yandex.ru
 ORCID: 0000-0001-8098-7471

Citation

Agapkina T. A. Carpatho-Ukrainian *skusa* – from word to character // Slavic Almanac. 2022. No 1–2. P. 190–208 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.03

Received: 13.03.2022.

Abstract

The article attempts to explain the appearance of the character *skusa* in Western Ukrainian mythology through the origin of its name, while exploring the motives of temptation in East Slavic folklore. The formation of *skusa* as a mythological character is due to the high frequency of the verb *kusyty* and its derivatives in Western Ukrainian dialects. This verb has negative connotations and denotes Satan's function to tempt a person, to provoke him or her to commit unrighteous deeds. Against the background of the relatively high "activity" of the verbs of temptation in local mythological prose, this function is personalized over time and character names (*skusa*, *pokusa*) appear, similar to other single-functional characters such as *lyakayla* or *blud*. *Skusa*, essentially identical to the devil, due to its weak formedness as a character, is devoid of any specific external features and even by its grammatical gender appears in texts either as a female or as a male character. Subsequently, the word *skusa* begins to denote not only a demon, but also various diseases, mainly "caused"; finally, the same verb and its derivatives *spokushaty* / *spokusyty* / *skusyty* are used to denote medicinal plants (*skusivnyk*) used to get rid of *skusa*.

Keywords

Temptation, Western Ukraine, Hutsuls, Carpathians, folklore, mythological stories, charms.

УДК 811.16

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.04

А. А. Плотникова

**Об одном мифологическом мотиве
 у градищанских хорватов в сопоставлении
 с соседними традициями южных и западных славян**

Плотникова Анна Аркадьевна
 Доктор филологических наук, главный научный сотрудник
 Институт славяноведения РАН
 119991, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
 E-mail: annaplotn@mail.ru
 ORCID: 0000-0001-9154-5046

Цитирование

Плотникова А. А. Об одном мифологическом мотиве у градищанских хорватов в сопоставлении с соседними традициями южных и западных славян // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 209–224. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.04

Статья поступила в редакцию 08.07.2022.

Аннотация

В статье рассматривается мотив выпекания мифологическими персонажами типа «вила» хлеба (для себя и/или для живущих поблизости людей), который известен хорватам Бургенланда в Австрии и Венгрии, хорватам на Драве (Венгрия), а также в том или ином виде – словенцам и чехам, наблюдаются и отдельные лужицкие параллели. Анализируются отмеченные при полевом обследовании сел или в опубликованных ранее источниках парадигматические ряды рассматриваемого поверья, отраженного, как правило, в быличках: с точки зрения агента действия («вила», «дикая женщина», а в случае утраты архаического значения – «бабы», «Богоматерь / св. Мария»), адресата действия (человек, живущий поблизости; человек, оказавший помощь этим мифическим существам; наконец, сами персонажи, которые якобы питаются выпеченным хлебом), условий самого действия (бескорыстное одаривание; дарение в обмен на помощь), объекта действия (в частности, хлеб как чудесный предмет, который исчезает при определенных обстоятельствах). В отношении южнославянских народных представлений и отражающих их словесных клише, характеризующих красное зарево на небе при закате солнца (якобы от печей вил),

прослеживаются закономерности этнолингвистической географии, касающиеся соотношения на карте устойчивого словесного выражения и его мифологического контекста (экстралингвистических данных). При сопоставлении материала с западнославянскими поверьями и быличками отмечаются не известные южным славянам специфические черты данного поверья: исчезновение хлеба при нарушении человеком запрета; сбор мифологическими персонажами колосков в поле, оставленных человеком, и некоторые другие.

Ключевые слова

Этнолингвистика, народная мифология, фольклорная лексика, устойчивые выражения, южные славяне, западные славяне, женские мифологические персонажи, хлеб, одаривание, чудесные предметы.

Начиная с 2007 г. автором проводились полевые исследования традиции градищанских хорватов Австрии, Венгрии и Словакии, проживающих в иноязычном и инокультурном окружении в Европе. Несмотря на процессы глобализации, культурная традиция градищанских хорватов сохраняется, подробнее см. (Плотникова 2016: 114–168), а народные представления о «низшей мифологии» отражаются в нарративах местных жителей, меморатах и фабулатах, в том числе и публикуемых в последнее время. Поверья о мифологическом персонаже типа «вила», хорошо известном всем южным славянам, см., например, (Плотникова 2004: 199–212, 614–632), до сих пор отмечаются и в этих краях: *vila* / *bijela* или *bila vila* перемещается по воздуху; помогает или вредит людям, если они нарушают предписания или наносят ущерб самому персонажу; танцует, поет и т. д. Среди особенностей представлений о виле в западной части Южной Славии следует отметить ее более тесную связь с земледелием¹ – мотив, который у градищанских хорватов и их славянских соседей получает специфическое воплощение.

¹ О том, что мифологический персонаж хорватских быличек вила способна выполнять любые сельскохозяйственные работы, которые требуются в жизни села, свидетельствует и исследовательница народной демонологии из Истрии Э. Рудан. Отмечается, правда, что эти работы вила выполняет при определенных условиях: если выходит замуж за смертного и если он выполняет ее строгие наставления (Rudan 2016: 308).

С функциональными характеристиками персонажа *вила* у градищанских хорватов Австрии и Венгрии могут связываться народные представления о красках неба на закате. Сразу отметим, что более типичным для средней части австрийского Бургенланда (и иногда южной), как и других частей Славии, можно считать поверье о том, что необычное небесное явление – красное зарево на небе перед наступлением сумерек – это знак-предвестник войны. Подобное предзнаменование относится к одной из известных народных примет у славян, ср., например, (Гура 1995: 407), где автор дает помету «нижнелужицкое». В этом и других случаях, по-видимому, актуализируется символика цвета пролитой крови. По мнению моих собеседников-градищанцев, такое небо было на закате перед началом Второй мировой войны (Среднее и Южное Градище). Вместе с тем, в ряде сел Северного и Среднего Градища возможны иные трактовки огненно-красного неба перед сумерками. В Среднем Градище (а именно там развиты представления о мифологических существах *вилах*), а именно в с. Филеж в Австрии на пограничье с Венгрией, записан также текст, из которого следует, что и красное зарево на вечернем небе, и алая утренняя заря приписывались чудесным существам – «белым вилам», которые в 12 часов ночи танцевали в лесочке, а затем пекли там хлеб: “Ovde na Fileži mala lozica, to je sitina, pa va toj sitini va toj lozi su tili pojt, pa u dvanajsti tancat, plesat, pak su tile onde kru(h) peč. Kakve su te peći bile, nigdo ni vidil, ali su mislili: ovde vile kru(h) pečú, pa bi htilo nebo bit jutro črljeno od sunca – opet su bijele vile kru(h) pekli! Kaze: nebo črljeno. Toга kruha nigdo i ni vidil, al’ tako su htily reč” [Здесь в Филеже небольшой лесок, густой кустарник, в этот лес они ходили, и давай после двенадцати часов плясать, и тогда пекли там хлеб. Что там за печи у них были, никто не видел, но думали: здесь вилы пекут хлеб; если небо на следующий день было красным от солнца – опять говорили: здесь вилы хлеб пекли! Говорят: «Небо красное». Этого хлеба никто никогда не видел, но так говорили] (с. Филеж, 2013, зап. автора от местного краеведа Мартина Йорданича).

Аналогичные поверья о вилах записаны Д. Ю. Ващенко в 2021 г. в виртуальной (в сети Интернет) экспедиции у градищанских хорватов в Венгрии – в селе Кольноф (Копхаза). Здесь термин *biele vile* фигурирует в несколько негативном контексте и обозначает персонажа, который может забрать, унести с собой человека: когда парень провожал девушку, он говорил ей: “Idem te sprohodit, ne da te bjele vile odnesu” [Пойду провожу тебя, чтобы тебя не забрали *biele vile*]. Подробности о том, как выглядели *biele vile*, где они жили, и другие

признаки мифологического персонажа жители села уже не помнят. Но одна из информанток упомянула, что *biele vile* могли быть причиной красного зарева на небе накануне Рождества: «Моя бабушка говорила, если вечером красное небо – это значит, белые вилы пекут пирожное (сладкую булочку)» (Ващенко 2021: 101).

В Австрии в с. Климпух (Северное Градище), находящемся довольно близко к Среднему Градищу, можно услышать несколько ответов на вопрос, что означает данное явление, сводимых к единой формуле «Некто печет на небе хлеб»: “Babe na nebi kruh peću” [Бабы на небе хлеб пекут]; “Majka Vožja / Marija (na nebi) kruh peće” [Богоматерь / Мария (на небе) хлеб печет] и т. п. Встретился также один вариант без агента действия: “Va nebi kruh peću”. В последнем случае вопрос, кто же это делает, остался без ответа, поскольку собеседник, не зная или не желая давать нехристианскую мотивировку выражения, просто перешел на другую тему разговора. Логическая цепочка предполагает, что поскольку некое действие происходит на небесах, то печет хлеб или Богоматерь, святая Мария, или все-таки мифические существа *babe* (предположим, предки, которые попали на небо). В этом селе уже прослеживается христианизация архаического мотива, но формула активно употребляется – разные варианты были записаны от разных информантов с разным агентом действия (как видим, происходит замена субъекта действия – это «Божья Матерь, Мария»). Возможно, с утратой представлений о вилах (а эти нарративы в настоящее время постепенно исчезают) вакантное место субъекта действия в этом выражении оказывается занято святой с высоким сакральным статусом (Богоматерью), что свидетельствует о необычности явления и его предполагаемой связи с иным, в данном случае божественным, миром.

Вариант, где субъектами действия являются вилы (они «пекут хлеб на небе»), представляется наиболее архаичным среди выражений, объясняющих красное зарево на небе перед сумерками, а впоследствии – и любое красное зарево на небе. Если обратиться к материалу быличек, меморатов и фабулатов, можно обнаружить, что адресат действия может варьироваться. По умолчанию, вилы пекут хлеб для себя – например, по сведениям хорватов на реке Драва в Венгрии, как и любые другие существа, вилы имеют не только детей, но и свою «страну» (Franković 1982: 175). Кроме того, помогать людям – одна из функций амбивалентного по признаку отношения к людям персонажа типа «вила». В разных южнославянских регионах считается, что вила может помочь человеку, если она к нему благосклонна или если он не стремится причинить ей вред, но, напротив, сам

склонен ей в чем-то помочь. У хорватов, проживающих в Австрии, а именно в Среднем и Северном Бургенланде, где сохраняются мифологические представления о том, что вилы пекут хлеб, в разного рода нарративах фиксируется и мотив одаривания человека свежеспеченным хлебом.

Сведения об этом встретились, прежде всего, в быличках и нарративах с территории Австрии. Так, в северном Градище в с. Узлоп известен следующий сюжет: рано утром, когда было жарко, мужчина ходил пахать в местечке Бубнев Пригорок (недалеко от села). В шесть часов, слыша звон колоколов в церкви, он привязывал волов и отправлялся в церковь, и так день за днем. Однажды он нашел *grebljicu* (лопатку для сбора угля) без ручки. Он ее починил и оставил там, где взял. Потом пошел в шесть часов в церковь, а когда вернулся, нашел огромных размеров буханку белого хлеба. Лопатки уже не было. Но когда люди позже стали ругаться и проклинать друг друга, белые вилы из этих мест ушли (Ivanović 1981: 80). Здесь следует отметить два важных для дальнейшего исследования момента: обязательное для подобного нарратива указание на место встречи с мифологическим персонажем (как правило, называется местный топоним) и, главное, одаривание человека в обмен за оказанную услугу. В том же Северном Градище в с. Вулкапродрштоф записана быличка с традиционной ссылкой на авторитетного рассказчика, опубликованная сравнительно недавно: «Это мне мой покойный отец рассказывал. Наши предки (*naši stari*), прежде чем пойти пахать на поле, перед волами кнутом рисовали крест, во имя Божье ходили с волами на поле. И когда они именно так выходили пахать, я слышала, на Фейке (название места *Feljak*. – А. П.) белые вилы оставляли батон белого хлеба на повороте борозды (*na uvrata*), но только тому человеку, который из дома выходил во имя Божье. Так, один мужчина пахал в поле. Пришла белая вила и принесла ему *libac kruha* (булку хлеба) и литр вина. Хлеб он оставил, пришли муравьи и съели его, а вино выпил» (Vujkov 2012: 574–575). Далее в рассказе следует типичный для градищанских и подравских хорватов сюжет про женитьбу этого человека на виле, которая даже родила сына, но велела никогда ее не называть словами *biela vila*; разумеется, в момент радости при рождении сына человек забывает об этом, и она улетает. В данном случае сверхъестественное существо вила становится блюстителем религиозной нравственности – в награду за неукоснительное богопочитание одаривает человека хлебом и вином. Похожий вариант с поощрением богочестивых людей записан и в Среднем Градище (с. Мьеново):

Карта. Вилы у южных славян: мотив выпекания хлеба / оповещения человека об урожае

- Мотив выпекания вилами хлеба и соответствующее выражение о красном небе
- Мотив выпекания вилами или другими персонажами хлеба и соответствующее выражение о красном небе
- Мотив выпекания вилами хлеба (и дарение человеку) в быличке
- Мотив выпекания вилами хлеба (и предложение человеку с недобрыми намерениями) в быличке
- ↑ Мотив оповещения вилами человека о времени сева и жатвы
- △ Мотив богатства и урожая при обнаружении человеком предмета, который принадлежит виле

«В конце сороковых (перед началом пятидесятых) рассказали мне про одного покойного крестьянина, как ему во время пахоты вилы бросали в борозду каждый раз булочку хлеба и кувшин вина. Хлеб и вино находил на краю поля. Крестьянин был набожный и молился перед пахотой. Но однажды выругался на волов. С того времени не было больше хлеба, да и вино пропало» (Dobrović 1954: 62; Bucolić 2018: 9).

На территории Венгрии фиксируется несколько мифологических рассказов с мотивом выпечки хлеба и одаривания людей в с. Хорватский Жидан на австрийско-венгерском пограничье. В одном из них вила одаривает людей хлебом после того, как те увидели в поле сломанный совок для углей и починили его (Répce: 10–11). В другом повествует о том, как пахари находили только что испеченную горячую лепешку, если молились перед выходом в поле (Ibid.: 10).

Само место возле с. Хорватский Жидан, где происходят указанные необыкновенные события, называется Фратровац и считается заколдованным, поскольку по легенде там были обезглавлены некие приверженцы иной веры. Поля, окруженные пролеском, расположенные между Хорватским Жиданом и Плайгором рядом с австрийской границей, неизменно связываются с обитанием там белых вил. Например, в одном из мифологических рассказов бедного юношу-кузнеца белые вилы одаривают гвоздями для подков (они рассыпают их на дороге во Фратроваце), превратившимися в его доме в золотые гвозди. При этом начало рассказа звучит так: «В Гериштофе (градищанско-хорватское село в Австрии по другую сторону границы. – А. П.) был один честный, набожный юноша. Однажды он припозднился с работой и выбрал кратчайший путь к своей невесте в Хорватский Жидан, и этот путь лежал через Фратровац...» (Répce: 12).

На территории Словении бытуют сходные представления о добрых вилах, которые помогают людям, занимающимся земледелием. Помимо мотива одаривания хлебом, отмечено, что эти мифологические персонажи рассказывают в песнях или громких выкриках о времени сева и жатвы и даже предупреждают работников о приближении градоносных туч. Так, в соседнем с Австрией словенском Прекмурье верили, что вилы обитали в потаенных от глаз местах около воды; человеку не делали ничего плохого, только хорошее: пахарю, который приходил спозаранку в поле, приносили свежие булочки для завтрака (Kelemina 1997: 161). В тех же регионах полагают, что людям в поле вилы неизменно давали советы, когда нужно сеять зерно и когда начинать жать созревшие колосья (Ibid.: 160). В этом ряду многочисленных положительных по отношению к человеку действий есть и сюжет заманивания вилой молодого юноши с помощью хлеба: в области Бела Краина рассказывают, как парень около некоей ямы или пещеры якобы встретил женщину в белом, вилу, которая предложила ему хлеб. Парень помахал головой в знак того, что не возьмет его, и быстро ушел. Вывод рассказчика по поводу этого случая: если бы человек взял предложенный хлеб, вила забрала бы его с собой минимум на три года (Ibid.: 157).

На севере Словении особенно развиты представления о вилах, предсказывающих благоприятное время для сева и жатвы, а также и непогоду: в Похорье они сообщают человеку, когда какие культуры благоприятнее сажать (Grčić 1995: 250–251), в селах региона Межишка Долина рассказывают, как вила дает советы, когда сеять хлеб, чтобы был большой урожай (Verdinek 2002: 36), у бенетских словенцев

считается, что вилы поют, предсказывая время сева, время жатвы, а также и град, чтобы быстрее убирали с полей собранный урожай: “Požnite žito, toča se bliža!” [Пожинайте жито, туча приближается!] (Kelemina 1997: 173). Все эти сведения о чудесных действиях вил в быличках, происходящих с соседней словенской территории, лишней раз подтверждают единство западнохорватско-словенского ареала по ряду признаков из сферы культурной ареалогии (в данном случае – из разряда участия тем или иным образом в земледелии), ср. иные изодокусы в западной части Южной Славии (Плотникова 2004: 308–321).

У «подравских хорватов», проживающих на юге Венгрии на р. Драва, в окружении иноязычной и инокультурной традиции, но при этом на границе с Хорватией, представления о вилах сохраняются в самых разных вариантах. Это и женитьба человека на виле, и рассказы о пении вил, их танцах в хороводе, опасных для человека-наблюдателя, и многое другое. Встречается и замена самого имени вил на венг. *šépáson'* – букв. ‘красивые женщины’ (Franković 1990: 140–143). В быличках и легендах, опубликованных Дж. Франковичем, встречается мотив невиданного урожая (а также и иного богатства) в случае, если человек обнаружит в поле предмет, оставленный вилами: постельку для ребенка вилы, серебряную подкову с ее миниатюрной ослиной (конской, оленьей) ножки, подвешенную на ветке, и под. Здесь прослеживается искомый мотив одаривания человека хлебом за помощь в починке обнаруженных в поле вещей, принадлежащих вилам: печной лопатки для сбора угля или иной печной утвари (используемой во время приготовления хлеба), которую нашли и починили люди (Franković 1982: 172–175; 1990: 140–143).

Важно подчеркнуть, что мотив выпечки вилами хлеба и дарения его людям (а также и связанные с ним мотивы урожая в поле, предсказаний о времени посева разных культур, покровительства вспашки поля, жатвы) характерен для западной части Южной Славии (градищанские хорваты, отчасти подравские хорваты и словенцы). В восточной части Южной Славии при всем разнообразии форм и сюжетов, связанных с мифологическим персонажем типа «вила», мотив выпечки хлеба и дарения его людям не отмечен. Встречается поверье о следах трапезы самих вил, что скорее аналогично представлениям о круге, хороводе вил, который можно узнать по вытоптанному кругу травы, кругу из грибов и т. д., как опасному для людей месту, см. (Плотникова 2004: 626–632). Как показывает карта, мотив вредоносного круга-трапезы или места-трапезы вил характерен для восточной части Южной Славии (Болгария, Македония, южная и юго-восточная Сербия).

Другой факт, важный для анализа мотива «вила выпекает хлеб», связан с отражением его в словесных клише, характеризующих красное зарево на небе. Все проанализированные устойчивые выражения так или иначе связаны с выпеканием хлеба некими, как правило сверхъестественными, персонажами. В ряд актантов (действующих лиц) попадают не только мифические вилы, но и святая Мария, Богоматерь, некие «бабы» и «обитающие на небе существа». Можно выделить и достаточно компактный ареал, в котором представление о красках закатного солнца связывается с мотивом выпечки хлеба вилами (часть Среднего и примыкающего к нему Северного Градища на территории Австрии и Венгрии: села Филеж, Кольноф). На периферии ареала наблюдаются выражения, где мифологическая составляющая уже утеряна: «Бабы на небе хлеб пекут» или «Богоматерь / Мария (на небе) хлеб печет» и под. (с. Климпух). В данном случае интересно проследить закономерности этнолингвистической географии, касающиеся соотношения на карте устойчивого словесного выражения и его мифологического контекста (см. карту): чем более удаляемся от своего рода вербальной концентрации поверья о выпечке хлеба вилами, тем более ослабевает и сам мотив выпечки вилами хлеба, но связь с хлебом, урожаем и – шире – богатством прослеживается в иных формах.

Следующий этап анализа рассматриваемого мотива «вилы выпекают хлеб» относится к сопоставлению исследованного южнославянского материала с западнославянским. В данном случае обнаруженные параллели касаются преимущественно чешского материала², в гораздо меньшей мере – лужицкой традиции. Агенты действия – типологически сходные персонажи: «дикие женщины» (чеш. *divé ženky, divoženky*, букв. ‘дикие женки’), т. е. живущие в лесу и поле существа женского пола, либо помогающие людям, либо причиняющие им вред³. В качестве текста, характеризующего как основные признаки данного персонажа, так и рассматриваемый в данном случае мотив выпекания ими хлеба, можно привести быличку из Опатова в регионе Высочина (Центральная Чехия): «В Опатове протекает “золотоносная” речка Бртничка, на берегу которой в скалах жили *divé ženy*, они сходились в ближайшем лесу и танцевали, а того, кто заблудится, хватили и танцевали вместе с ним, пока он не умрет. Над скалами были поля, и как раз там вязали жито. Хозяйка шла за вяжущими снопы работниками и сгрэбала

2 Благодарю М. М. Валенцову за предоставленные материалы и помощь в переводе чешского материала, ср. также подход к проблематике этнолингвистических и фольклорных параллелей в работе (Валенцова 2021).

3 Подробнее о признаках персонажа см. (Валенцова 2022).

рассыпанные колоски, но внезапно почувствовала запах хлеба, которого ей захотелось. Вдруг подбежала к ней со скалы дикая женщина и подала большой кусок мягкого и еще теплого хлеба, говоря: “Знаю, что тебе хлеба хочется, вот и несу; но помни и о нас, подумай только, сколько нам это работы собрать на него по колоску”. И ушла. Хозяйка перестала сгребать колоски, но, прежде чем уехать с поля, велела связать несколько снопов и разбросать по полю. А когда через минуту люди пришли на них посмотреть, все колоски на поле были уже собраны. Их собрали дикie женщины» (Šihlavý 1899: 358). У лужичан функция выпекать хлеб приписывается карликам, которые «за одолженную хлебную утварь и посуду приносят людям пахту или лепешки собственного изготовления, а пахарям пиво в поле» (Гура 2021: 64). Заметим, что иногда у чехов при описании сюжета с одариванием человека хлебом подчеркивается как раз малый рост «дивоженков», и сами они оказываются сродни карликам или гномам: «Около Павловиц обитали *divuženky*. Были такими маленькими подземными людьми. Выходили из земли. Было там большое ровное место (*kolo* ‘круг’), где они танцевали. Потом пропали. <...> Однажды работник пахал там, а дивоженка подошла к нему и говорит: “Сломай мне пару хвойных веток на помело, я буду печь калачи. Я тебе один принесу, как испеку, завтра: но не говори ничего дома”. Работник оставил коней, пошел и сломал ей веток, и она пропала. На другой день пришла снова к тому работнику и принесла калач...» (Pavelka 1904: 33–34).

Адресатом подобных действий персонажей в чешской традиции становятся люди, почувствовавшие запах свежеспеченного хлеба, на что в быличке, как правило, специально обращается внимание – иногда даже мифологический персонаж подчеркивает этот момент в своей замысловатой речи: «В лесу у с. Травник неподалеку от Летовиц жили дивоженки. Однажды вышли две бабки из Летовиц в лес собирать шишки. Когда насобирали, сели отдохнуть, как вдруг одна из них почувствовала запах свежеспеченного хлеба. “Наверняка кто-то из Травника хлеб печет, а ветер аж сюда доносит запах”. Только сказала, вдруг появилась перед ними женщина некрасивого обличия, в серой одежде, с хлебным калачом в руке, говоря: “На тебе, нюхачка нюхаческая!” (*Na, ty ňuchno ňuchavá!*), и бросила калач ей на колени. Старушки испугались этого существа, в котором узнали дивоженку, собрались и поспешили домой. Отнесли калач священнику, тот его благословил – и калач не изменился, что было доказательством, что дивоженки не являлись злыми духами, иначе бы калач боялся креста. Пан фарар попробовал калач сам и дал бабулькам» (Bartoš 1902: 119).

Наряду с бескорыстным дарением хлеба мифическими женщинами у чехов, как и у градищанских хорватов, регулярно отмечаются отношения обмена между человеком и мифическим персонажем: мужчина чинит (или изготавливает по просьбе дивоженки) что-либо из утвари, необходимой для выпечки (хлебную лопату, помело для печи и др.), за что получает хлеб в качестве награды. Так, в южной Чехии (местечко Яховице) рассказывают, как некий старик Кубела сделал дивоженке лопату по ее просьбе (очередная замысловатая просьба мифического существа прозвучала, как только старик попробовал испеченную ею лепешку) и принес в лес. За это старик получил лепешку, которую мог есть непрерывно, а от нее не убывало; однако никто не смел отламывать от нее куски, только он сам (Charvat 1898: 140–141).

В чешской традиции женщина тоже может быть награждена дивоженками за помощь. Как следует из ряда рассказов, хозяйка (как и хозяин) может не собирать до конца колоски в поле, а в чешском «Полесье» (Пошумави) она даже специально оставляет немного содержимого яиц в скорлупке и слегка сметает муку под стол – из всего этого дивоженки пекут вкусные лепешки, причем если захотят, то делают так, чтобы хлеб не убывал (Daněk 1994: 60).

У чехов подаренный дивоженками хлеб часто представляется как чудесный предмет, который «никогда не убывает» и, наоборот, исчезает при определенных обстоятельствах: если его коснется рука постороннего человека; если адресат благосклонного отношения к нему дивоженок расскажет об источнике своего богатства другим людям, и т. д. Например, вторая часть былички о работнике, который помог дивоженке с помелом для хлеба, основана на напутствии мифологического персонажа, которое можно перевести с «мифического языка» на обычный так: «Ешь калач в удовольствие, но не позволяй никому отломить от него кусок, тогда будешь всегда иметь целый». Далее в быличке рассказывается, что работник долго поступал именно таким образом, а домочадцы видели, что он все время ест калач, но не знали, где его берет. А он хранил его в коробочке в хлеву. Однажды девочка-прислуга подсмотрела, куда он кладет калач, и отломил кусочек. «И вся магия пропала вместе с остатком калача. Дивоженка пришла к работнику на поле и сказала, что больше ничего не будет, второй раз такого быть не может, после чего пропала» (Pavelka 1904: 33–34). Условия исчезновения чудесного хлеба могут варьироваться: получившему лепешку в подарок нельзя съедать ее целиком – тогда она всегда будет становиться целой (Charvat 1898: 140; Adamek 1900: 342; Pavelka 1904: 31–32), нельзя давать пробовать от нее другому человеку (Šihlavý 1899: 359), тем самым открывая свою тайну

взаимоотношения с мифическим персонажем; необходимо всегда резать этот хлеб самому (Daněk 1994: 60).

Таким образом, в чешской традиции обнаруживаются иные, относительно хорватских вариантов, продолжения, связанные с мотивом дарения хлеба человеку персонажем типа «вила»: во-первых, люди могут помогать вилам, оставляя для них колоски, и даже часть муки, яиц; во-вторых, хлеб, полученный в подарок или в обмен на помощь, обретает черты чудесного предмета (что сопровождается разнообразием связанных с этим свойством предмета поворотов дальнейшего сюжета в каждом из рассказов). Своеобразной квинтэссенцией многих аспектов взаимоотношений человека и мифологического персонажа типа «вила» (в данном случае – дивоженки) в чешской традиции можно считать рассказ о работнике, к которому дивоженка трижды обращалась, давая правильные советы. Поначалу испугавшемуся ее бедняку – работнику в поле – мифическая женщина (*divá žena*) говорит: “Pacholište, sprav mi lopatiště, dám ti opeliště!” [Мужичище, сделай мне лопатищу, дам тебе хлебище!]. Парень слушается ее и делает лопату, как у пекарей, которые сажают хлеб в печь. Приходит к кромке леса с лопатой, ждет и чувствует запах свежеспеченного хлеба. После восхищенных слов парня «Вот это запах!» появляется дивоженка и, подавая лепешку, укоряет юношу: «Запах чуешь, а колоска в поле не оставишь! На следующий год, если будешь оставлять колоски, принесу тебе булку». Дивоженка исчезает, а парень задумывается о том, почему не попросил у нее большего – ведь ему так хочется жениться на сироте из Паздерны, но на что жить! Прошел год, опять была жатва, и парень вез хлеб к амбару, но на этот раз в поле граблями уже не работал. Вечером вернулся в поле и стал ждать – как только появилась первая звездочка на небе, выскочила из леса дикая женщина. Подала ему булку и сказала: “Pacholište, když budeš krájet samotiště, zůstane celé opeliště!” [Мужичище, если будешь резать только сам, останется целый хлебище!]. Парень ее вежливо поблагодарил и веселый поспешил домой. Вот теперь он может жениться! Булки будет достаточно, если он сам ее всегда будет резать, как велела дивоженка (Daněk 1994: 60–61). Далее сюжет былички развивается таким образом, что парень женится, но любопытная жена добирается до чудесной булки и отрезает от нее кусочек перед работой. «И – ах! На другой день булка уменьшилась, на третий – остался только кусочек, на четвертый – настал голод» (Ibid.: 61).

В целом сходство мотивов и сюжетов быличек, фиксируемых на западе Южной Славии, с одной стороны, и у западных славян, с другой, соответствует и ряду других архаических аналогий

в рассматриваемых культурно-языковых традициях, прежде всего граничащих так или иначе с Австро-Венгрией. Схождения, как известно, фиксируются и в славянской лексике, см. (Куркина 1992), что свидетельствует о более древних связях, нежели австро-венгерский период общей истории.

Источники и литература

- Валенцова М. М. Чешско-южнославянские этнолингвистические параллели // Исторический формат. 2021. № 2. С. 9–20.
- Валенцова М. М. Народная демонология Чехии (этнолингвистический аспект) // Славяноведение. 2022. № 6. В печати.
- Ващенко Д. Ю. Опыт виртуального обследования народной культуры градищанскохорватского села Кольноф (западная Венгрия) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Вып. 3–4. С. 93–103.
- Гура А. В. Война // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 407.
- Гура А. В. Лужицкая народная мифология // Славяноведение. 2021. № 6. С. 56–74.
- Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 770 с.
- Плотникова А. А. Славянские архаические ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 320 с.
- Adamek K. Lid na Hlinecku. Praha: Česká akademie, archeologická komise, 1900. 385 s.
- Bartoš Fr. Z lidopisných sbírek Fr. Bartoše // Český lid. 1902. XI. S. 170–171, 118–119, 223–224.
- Bucolić S. Vile i viške kod Gradišćanskih Hrvatov // Etnografija Hrvata u Mađarskoj. 2018. № 16. S. 7–28.
- Charvat V. Z českého jihu. Sbirka jihočeského podání lidového. Praha: Tiskem a nákladem knihtiskárny Dra. Edv. Grégra, 1898. 174 s.
- Daněk A. Bájě českého Pošumaví. Praha: Kentaur polygrafia, 1994. 238 s.
- Dobrović I. Staroslavenske i naše vile // «Gradišće». Kalendar i ljetopis Hrvatskoga kulturnoga društva u Gradišću za obično ljetno 1954. Knj. XIV. Beč, 1954. S. 59–64.
- Franković Đ. Vile kod Hrvata u Podravini // Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj. Budimpešta, 1982. № 4. S. 167–183.
- Franković Đ. Mítska bića u Podravskih Hrvata. Narodne predaje // Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj. Budimpešta, 1990. № 9. S. 1–195.

- Gričnik A. Noč ima svojo moč, Bog pa se večjo, Pohorje pripoveduje. Ljubljana: Kmečki glas, 1995. 497 s.
- Ivanović N. Uzlop. Hrvatsko selo u Gradišću – Austrija. Omiš: Vlast. nakl., 1981. 111 s.
- Kelemina J. Bajke in pripovedke slovenskega ljudstva z mitološkim uvodom. Celje: Humar, 1997. 334 s.
- Pavelka P. Divyženky u Pavlovic u Jimramova // Český lid. 1904. XIII. S. 31–36.
- Répece – A Répece mente meséi és mondái / Hetyésy K., Sudár L. Szombathely: Linea Nyomda, 1996. 159 s.
- Rudan E. Vile s Učke. Žanr, kontekst, izvedba i nadnaravna bića predaja. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2016. 600 s.
- Šihlavý Fr. O divech ženách // Český lid. 1899. VIII. S. 358–359.
- Verdinek D. Lesene cokle: folklorne pripovedi iz Mežiške, Mislinjske in Šaleške doline. Ljubljana: Kmečki glas, 2002. 240 s.
- Vujkov B. Gradišćanske povijestke // Panonski ljetopis. Pinkovac: Panonski Institut, 2012. S. 540–596.

References

- Adamek, K. *Lid na Hlinecku*. Praha, 1900, 385 p.
- Bartoš, Fr. “Z lidopisných sbírek Fr. Bartoše.” *Český lid*, 1902, No. XI, pp. 170–171; 118–119; 223–224.
- Bucolić, S. “Vile i viške kod Gradišćanskih Hrvatov.” *Etnografija Hrvata u Mađarskoj*, 2018, No. 16, pp. 7–28.
- Daněk, A. *Báje českého Pošumaví*. Praha: Kentaur polygrafia, 1994, 238 p.
- Dobrović, I. “Staroslavenske i naše vile.” *«Gradišće». Kalendar i ljetopis Hrvatskoga kulturnoga društva u Gradišću za obično ljeto 1954*, knj. XIV, beč, 1954, pp. 59–64.
- Franković, Đ. “Vile kod Hrvata u Podravini.” *Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj*, Budimpešta, 1982, No. 4, pp. 167–183.
- Franković, Đ. “Mitska bića u Podravskih Hrvata. Narodne predaje.” *Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj*, Budimpešta, 1990, No. 9, pp. 1–195.
- Gričnik, A. *Noč ima svojo moč, Bog pa se večjo, Pohorje pripoveduje*. Ljubljana: Kmečki glas, 1995, 497 p.
- Gura, A. V. “Luzhitckaia narodnaia mifologia.” *Slavianovedenije*, 2021, No. 6, pp. 56–74.
- Gura, A. V. “Voina.” *Slavianskije drevnosti: etnolingvističeskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoj, Moscow: Mezhdunarodnyje otnosheniia, 1995, vol. 1, p. 407.
- Hetyésy K., Sudár L. (Eds.). *A Répece mente meséi és mondái*. Szombathely: Linea Nyomda, 1996, 159 p.
- Ivanović, N. *Uzlop. Hrvatsko selo u Gradišću – Austrija*. Omiš: Vlast. nakl., 1981, 111 p.

- Kelemina, J. *Bajke in pripovedke slovenskega ljudstva z mitološkim uvodom*. Celje: Humar, 1997, 334 p.
- Pavelka, Pav. “Divyženky u Pavlovic u Jimramova.” *Český lid*, 1904, No. XIII, pp. 31–36.
- Plotnikova, A. A. *Etnolingvističeskaja geografiia Iuzhnoi Slavii*. Moscow: Indrik, 2004, 770 p.
- Plotnikova, A. A. *Slavianskije arkhaiskije arealy: arkhaika i innovatsii*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2016, 320 p.
- Rudan, E. *Vile s Učke. Žanr, kontekst, izvedba i nadnaravna bića predaja*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2016, 600 p.
- Valentsova, M. M. “Cheshsko-iuzhnoslav'anskije etnolingvističeskije paralleli.” *Istoricheskii format*, 2021, No. 2, pp. 9–20.
- Valentsova, M. M. “Narodnaia demonologija Chekhii (etnolingvističeskii aspekt).” *Slavianovedenije*, 2022, No. 6. In press.
- Vashchenko, D. Ju. “Opyt virtual'nogo obsledovaniia narodnoi kul'tury gradishchanskokhorvatskogo sela Kol'nof (zapadnaia Vengriia).” *Slavianskii mir v tret'jem tysiacheletii*, 2021, No. 3–4, pp. 93–103.
- Verdinek, D. *Lesene cokle: folklorne pripovedi iz Mežiške, Mislinjske in Šaleške doline*. Ljubljana: Kmečki glas, 2002, 240 p.
- Vujkov, B. “Gradišćanske povijestke.” *Panonski ljetopis*. Pinkovac: Panonski Institut, 2012, pp. 540–596.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.04

A. A. Plotnikova

On one mythological motif among the Burgenland Croats in comparison with the neighboring traditions of the South and the West Slavs

Anna A. Plotnikova
 Doctor of Letters, chief research fellow
 Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
 119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
 E mail: annaplotn@mail.ru
 ORCID: 0000-0001-9154-5046

Citation:

Plotnikova A. A. On one mythological motif among the Burgenland Croats in comparison with the neighboring traditions of the South and the West Slavs // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 209–224 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.04

Received: 08.07.2022.

Abstract:

The article discusses the motif of baking bread by mythological characters of the “vila” (“wood-nymph”) type (for themselves and/or for people living nearby), which is known to the Croats of Burgenland in Austria and Hungary, Croats on the Drava (Hungary), as well as in one form or another – to Slovenes and Czechs, there are also some Lusatian parallels. The paradigmatic alterations of the considered belief, noted during the field survey of villages or in previously published sources, are analyzed, reflected, as a rule, in mythological stories: from the viewpoint of the agent of action (“a wood-nymph”, “a wild woman”, and in case of loss of archaic meaning – “a women”, “Mother of God / St. Maria”), the recipient of the action (a person living nearby; a person who helped these mythical creatures; finally, the characters themselves, who presumably eat baked bread), the conditions of the action itself (selfless giving; a gift in exchange for help), an object of action (in particular, bread as a miraculous object that disappears under certain circumstances). In relation to the South Slavic folk ideas and the verbal clichés reflecting them, characterizing the red glow in the sky at sunset (allegedly coming from the furnaces of the wood-nymphs), the patterns of ethnolinguistic geography are traced, concerning the correlation on the map of a stable verbal expression and its mythological context (extralinguistic data). When comparing the material with Western Slavic beliefs reflected in mythological stories, the specific features of this belief, not known to the Southern Slavs, are noted: the disappearance of bread when a person violates the ban; collecting of neglected spikelets in the field by mythological characters, and some others.

Keywords

Ethnolinguistics, folk mythology, folk vocabulary, stable expressions, South Slavs, West Slavs, female mythological characters, bread, gifts, wonderful objects.

УДК 811.16

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.05

А. В. Гура

Народная демонология Подлясья (по материалам собственных записей)

Гура Александр Викторович
Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: avgura@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0985-8639

Цитирование

Гура А. В. Народная демонология Подлясья (по материалам собственных записей) // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 225–248. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.05

Финансирование

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-012-00300 А.

Статья поступила в редакцию 14.06.2022.

Аннотация

В статье публикуется полевой материал по народной демонологии Подлясья, собранный автором в 1990, 1993 и 2017 гг. Описаны мифологические персонажи с функциями, характерными для домового и дворового: ласка как покровительница скота, «змора», заплетающая гриву коням и душашая спящих. Домовой демон-обогатитель имеет ряд общих черт с западнославянским летающим огненным змеем. Территория Подлясья представляет собой западную периферию восточнославянского ареала распространения русалок и южную периферию ареала распространения литовских «лаум» (подляские «лоймы»). Русалки, помимо типичных для них свойств (появление в жите и т. д.), иногда соединяют в себе признаки других персонажей – смешиваются с полудницей, с лаской, сиренами (полудевами-полурыбами), отождествляются с кузнечиком и мигающими огоньками. Демон, заставляющий человека блуждать, известен под названием «блуд», свойственным этому персонажу в народной традиции западных украинцев, поляков и других западных славян. Водяной почти не известен, им в основном лишь пугали детей. Многие поверья связаны со смертью